Глава 1-6: Крах

По прошествии жаркой ночи у Фина слегка изменилось чувство осязания прежде, чем он это заметил.

Он не помнил, как вернулся в город к казармам на рассвете и даже не приметил жалкие фигуры беженцев, которым было не место находиться на обочине дороги.

Даже хорошо поспав, тупое чувство оцепенения продолжало его тревожить, ему было безразлично состояние города и испорченное поведение солдат.

Даже в тот момент, когда он отправился к стенам замка на поиски потерянного меча, в голове у него едва промелькнуло: «Ах», когда он подошел прямо к постаменту с костром, перед которым появилась очевидно человеческая кость.

Меч, унесённый Чудищем, как ни в чем не бывало торчал в ближайшем кустике. В то мгновение, когда он поднял меч, его снова окутал страх той холодной, мрачной ненависти, которой был пропитан этот меч. Однако, когда Фин схватился за рукоять и ничего не произошло, он спокойно сдержал слезы, нахлынувшие от эмоций.

По пути обратно в казармы, он улицезрел одну картину, которая приключилась с ним самим пару дней назад: у новоприбывшей семьи беженцев забирали их имущество. У Фина, однако, не промелькнуло и мысли, чтобы остановить их или, по крайней мере, утешить парой ласковых слов. Таким мыслям не было места у него в голове даже ни на секунду.

Дело даже не в том, что он не знал этих слов Фианеры: «Ты должен быть благодарным». Он не одобрял такие действия, как кража или насилие. Он просто начал терять это чувство реальности.

Требовать компенсации казалось чем-то вроде привилегии для этих солдат, выполняющих такой тяжелый труд. Если бы все это происходило в прошлом, и они были бы в армейских корпусах, тогда бы они также получали повышение, надбавки к зарплате и почтение от империи. Однако сейчас о таком можно только мечтать. Конечно, такие вещи как зарплата и звание, репутация и честь, или даже что-то чем можно гордиться, уже не обладает таким шармом. Больше не будет ни жителей города, которые воздавали бы похвалу, ни поэтов или историков, которые бы воспевали чьи-то заслуги. Больше нет возможности выгравировать заслуги на каменных памятниках или зданиях.

В таком случае, естественно, именно человеческие существа насыщаются этой мелочной прибылью, открывающейся перед ними. В голове у солдат, или как теперь их следует называть просто воинами, крутится только то, сколько дней им осталось до следующей смены. Когда такое случается, думать о чем-то становится бесполезным. Если кому-то и повезло пережить ночь, то все, что оставалось, чтобы скоротать время, это считать дни до следующего раза, когда придется нести дозор.

Именно поэтому они хотели получать удовольствие от времени, нежели чем от ценностей, — пить, есть, бушевать и ухаживать за женщинами.

Фин не стал присоединяться к этим беспорядкам, он понял, что при виде этого ему не становится лучше. Когда он присматривался, то видел, что там было не так много людей, разделяющих с ним это чувство, солдаты просто молча тренировались. Фин также запомнил, каким образом мужчины держали свои мечи и как тренировали движения своих ног.

Пока Фин продолжал пребывать в состоянии оцепенения, один день сменялся другим. Наконец, прошел месяц с того момента, когда он стал равнодушным к тому страху, что испытал.

С тех пор он пережил множество смен, а его взгляд стал все больше становиться холодным и походить на «могильную плиту», поэтому солдаты, привыкшие называть его «цыпленком», теперь звали его по имени, как полагается. Однако он все еще помнил, каким был слабым в тот день.

Вспомнить это заставила его одинокая девушка.

По пути в свою комнату в казарме, он услышал девчачий крик из одной из комнат мимо которых он шел. Однако, он не придал этому особого значения. Здесь это обычное дело. Звук был немного громче обычного, но это возможно из-за незакрытой двери.

Когда Фин смог достаточно четко расслышать голос, он выдохнул с облегчением и расслабил плечи. Это был просто визг, порожденный флиртом. Если бы это было насилие, которое далеко зашло, тогда кто-нибудь остановил бы их, чтобы избежать проблем, но в этот раз казалось, что в этом донесении не было необходимости.

Фин продолжал идти и мысленно рассуждать, закрыть ли ему для них дверь, раз он проходит мимо, или оставить ее открытой. Затем тон голоса девушки изменился.

По обрывкам услышанного он догадался, что то, чем они занимались, закончилось и девушка пыталась поскорее уйти. Было неловко слышать, как эти двое спорили. На секунду Фин задержался и моргнул, но передумал и продолжил идти вперёд, так как возвращаться было бы глупо.

Показалось, что владелец комнаты хотел привязать девушку. Она, однако, отклонила его желание: — Если тебе не нравится это, просто убирайся, идиот. Бесишь, — послышался звук толчков и ударов.

На всякий случай Фин ускорил шаг, чтобы не наткнуться на девушку, если она выйдет. Однако, девушка выпрыгнула из комнаты в тот момент, когда он приблизился.

— Только потому, что я согласилась ненадолго присоединиться к тебе, не обольщайся! В следующий раз, когда всплывут твои извращенные фетиши, я собираюсь искромсать твой драгоценный маленький меч на кусочки! — оскалив зубы подобно животному, кричала девушка, прижимая что-то к груди. Как только он убежала, то наткнулась на Фина и удивленно поднялся лицо.

— …?!

В этот момент к нему вернулись все чувства. От такого столкновения его глаза расширились, а губы в отчаянии задрожали.

Когда девушка с растрепанными волосами, прилипшими к ее грязному лицу, посмотрела на него, он узнал ее. Она была подругой Неллис. В его сознании оживленно зашевелились воспоминания полугодичной давности.

Это было время, когда он отправился откланяться в храм. Погода было очень солнечной и приятной. Неллис вместе с девочкой, разлученные со своей семьей, весело шептались о секретах. Иногда эта парочка бросала взгляды в его направлении и хихикала. Эта Неллис, она снова распространяет непотребные слухи…

У него отлегло. Он забыл, как дышать и просто с жалостью уставился на девушку, которая полностью изменилась у него на глазах.

Девушка тоже, кажется, узнала Фина. Сперва это был взгляд полный ненависти, но затем ее глаза расширились, когда ее застали врасплох, а потом она расплакалась на месте – в следующее мгновение на ее лице заиграла мазохистская улыбка блудницы.

— Ты тоже сюда пришла.

— Ха, — грубым взглядом смерила Фина девушка.

— Если у тебя будет какое-то дело ко мне, зови. Не за бесплатно, конечно.

— …

Фин хотел что-то сказать, но во рту пересохло, а язык перестал двигаться. Когда он заметил, что она обнимала сумку, заполненную пшеницей, внезапно его пронзила боль, которая заставила бы плакать любого.

В тот момент, когда лицо Фина напряглось, девушка замахнулась сумкой и изо всех сил ударила его по лицу как будто желая заткнуть его.

— Что! Что у тебя с лицом! Какие-то проблемы? — пронзительно вскрикнула девушка, два-три раза ударяя Фина.

— Разве ты не такой же, как я, ты… Не смотри, НЕ СМОТРИ! Не смотри на меня!!!

В конце концов, девушка расплакалась. После этого, она грубо толкнула Фина в сторону и убежала, не дав ему времени что-то ответить.

Пока Фин стоял в коридоре в шоке, все еще обнаженный мужчина позвал его из комнаты.

— Что, ты ее знаешь?

— … Да, сэр.

— Хм, — равнодушно ответил мужчина и, подойдя к Фину босиком, ударил его по лицу.

— Что это сейчас за убогий вид ты сделал. Не смотри на меня так удручающе.

Первый раз Фин услышал «удручающий» в стенах казармы, он посмотрел на мужчину в изумлении. Более того, он не понял, кто это был «убогим».

Мужчина уставился на лицо Фина, выражающее смущение и шок, а его рот искривился в усмешке.

— Нельзя забыть о старых хороших деньках. Ты, вероятно, никогда не задумывался о том, что станешь таким ничтожеством. Эх, она наверно больше не вернется…, и она нравилась мне. Это ты во всем виноват, костлявый идиот, — привел он такой предвзятый аргумент для собственного удобства, еще раз ударил Фина по лицу и вернулся в комнату, зевая. Вероятно, он хотел пойти обратно в кровать.

Бум. Он закрыл за собой дверь и в коридоре воцарилась мертвая тишина.

Фин ощущал себя каким-то мертвым деревом, что стоит здесь уже целую вечность. В конце концов, жизненные силы вернулись, начиная с кончиков пальцев на ногах; твердая решимость с силой вырвалась из его нутра.

(Мне нужно выбираться отсюда).

Он не мог позволить этой привычке развиваться дальше. Если он здесь останется, рано или поздно он станет таким же как большинство старших солдат здесь: пустая оболочка, считающая дни до следующей смены.

(При таких условиях будущего мне не видать).

В конечном счете, Нанаис падет. Будь то отсутствие возможности обеспечить город запасами еды и топлива, или из-за того, что люди, защищающие стены, один за другим провалятся в мрачные глубины ада, провоцируя набег Чудищ Тьмы на город.

И жители, и бывшие солдаты, все должны понимать этот факт. Все, однако, притворялись, что не замечают опасности. Все потому что было бесполезно думать об этом. Потому что все, что остается делать, это быть в отчаянии. Если человек отводит глаза в сторону и только и думает о том, как прожить каждый день, тогда однажды помощь извне может и придет – пусть даже от добрых рук самой Смерти.

Но я другой. Фин осознал себя. Глоток. Фин задержал дыхание и крепко сжал кулаки. Все в порядке. У меня все еще есть силы. У меня еще есть желание.

(Я не могу ждать, когда ситуация изменится. Я изменю ее, своими собственным руками).

Он не знал, перемены пойдут в лучшую сторону или нет, но ему пришлось что-то предпринять.

Хотя у него не было ни одной идеи как он мог бы изменить ее изнутри.

Например, даже если бы он угрожал Масоду или победил его, или даже если бы он снова ввел в действие старые законы бывшего армейского корпуса, результаты продержались бы недолго. С жителями города все обстоит также. С их нынешней ситуацией, где каждую ночь на них нападает Тьма и преступники, желающие ограбить лодку, на которой перевозят съестные запасы, вероятно, очень скоро все впадут в отчаяние.

(Ах, точно. Съестные запасы).

Если территория настолько крошечна, не могут они возделывать почву и выращивать зерна и фрукты? Если они это сделают внутри стен… Если этот план сработает без запинки, то надежда вернется. Затем, понемногу, они смогут расширить аграрную землю за пределы стен.

(Теперь вопрос таков: с кем я могу это обсудить?).

Первый человек, который приходит на ум, этот тот, от кого он получает приказы и перед кем отчитывается каждый день. В какое же досадное положение дел он попал. Впервые за все время на его лице заиграла саркастическая усмешка. Обратит ли Масод внимание на такие переговоры?

(Это, вероятно, невозможно. В таком случае, остается леди Фианера).

Согласно майору Атиле, бывшему солдату армейского корпуса, на окраине города можно было найти только храм, завезенный туда. Если он планирует изменить мышление большинства людей, то лучшим решением будет посоветоваться с Фианерой.

— Хорошо, — качнул головой Фин и с приливом энергии побежал по коридору, окрыленный ностальгией по тем временам, когда в нем еще теплилась жизнь. Он бежал с одной целью: получить разрешение пойти в храм.

http://tl.rulate.ru/book/75997/2308588